

5. *Виноградов М.* Родное: Проверка на разрыв // Новое время (The New Times). — 2009. — № 5. — С. 27.
6. История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). — М., 1952.
7. *Кирсанов В. Н.* Единороссы — новые народники, или Почему Ленин должен быть вынесен из Мавзолея. — М. : Издательское содружество А. Богатых и Э. Ракитской, 2010. 544 с.
8. *Макаренко В.* Власть и нейтралитет // Дон. 1992. № 10–12.
9. *Миронов С.* Будем строить третий социализм // Литературная газета. 2007. № 47–48. 28 ноября — 4 декабря.
10. *Стеклов Ю. М. А. Бакунин.* Его жизнь и деятельность. М. ; Л., 1927. Т. II. С. 404–405.
11. *Туган-Барановский М. И.* Марксизм и народничество [Электронный ресурс] URL: http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/frame_rightn.pl?type=ru&links=./ru/tugan/works/tugan_w5.txt&img=works_small.gif&name=tugan (дата обращения: 11.05.2018)].
12. *Энгельс Ф.* Письмо В. И. Засулич от 3 апреля 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 50 т. 2-е изд. Т. 37.

УДК 330.101 (063)

ЦИКЛЫ КОНДРАТЬЕВА В КОНТЕКСТЕ ФАКТОРОВ СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Р. В. Насыров, канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет», Барнаул, Россия, e-mail: nasirov.rafael@yandex.ru

Аннотация. В статье ставится вопрос о значении факторов синхронии и диахронии развития социально-экономических и политических систем. Обосновывается факт несовпадения в истории государств периодов модернизационного перелома в контексте циклов Кондратьева. Раскрываются особенности социально-экономического и политического развития России.

Ключевые слова: циклы Кондратьева, синхрония, диахрония, первоначальное накопление капитала, индустриализация.

THE KONDRATIEFF CYCLES AND THE FACTORS OF SYNCHRONY AND DIACHRONY OF THE DEVELOPMENT OF SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS

R. V. Nasyrov, Altai State University, Barnaul, Russia

Abstract. The article raises the question of the importance of the factors of synchrony and diachrony of the development of socio-economic and political systems. Substantiates the fact of discrepancy in the history of the States of the periods of the modernization in the context of Kondratieff cycles. The features of socio-economic and political development of Russia are revealed.

Keywords: Kondratieff cycles, synchrony, diachrony, initial capital accumulation, industrialization.

Тема данной статьи крайне неудобна для обсуждения. Как правило, вызывает негативную реакцию сама постановка вопроса о том, была ли в 20–30-х гг. прошлого века реализуемой программа Н. Д. Кондратьева эволюционного развития экономики страны на основе сочетания государственных и рыночных механизмов. Указание на чрезвычайные условия, в которых оказалась страна, с одной стороны, после катастрофы 1917 г. и гражданской войны, а с другой стороны, в преддверии явно зреющей в Западной Европе новой мировой войны, воспринимается как попытка оправдать ужасы большевистской диктатуры. Значительно проще и удобнее следовать сложившейся в последние десятилетия общепринятой схеме в оценке фактов и событий советской истории: большевики — это своего рода политические «гангстеры», захватившие власть и не позволившие стране естественно и эволюционно развиваться по очевидно и единственно истинному пути рыночной экономики и демократии.

История страны часто описывается в стиле триллера, хотя более уместен и объективен жанр трагедии. Как известно, в основе трагедии лежит понятие рока, который настигает героя, он должен неизбежно пройти через жестокие испытания. Одно из таких испытаний в контексте истории экономики называется «первоначальное накопление капитала» со всеми его ужасными проявлениями, которые неизбежно, но не одновременно и не в одинаковой форме пережили все модернизированные страны. Стоит признать, что сталинская индустриализация — это российский вариант того перелома в разви-

тии общества, который пережили и развитые европейские страны и США, но раньше и в иных условиях и формах.

Свои циклы развития мировой экономики Н. Д. Кондратьев начинает с конца XVIII в.; технологической основой первого цикла было фабричное, прежде всего, текстильное производство и промышленное использование угля. Но «в муках» буржуазная экономика стала зарождаться раньше в форме мануфактурного производства XVI–XVII вв., которое открывает процесс начала глубоких изменений в общественных системах ведущих стран Западной Европы. Н. В. Кондратьев правомерно исходил из того, что цикличность затрагивает все стороны экономической жизни общества. Но в свою очередь, как известно, развитие экономики влияет на все сферы общества, в том числе социальную и политическую. В Западной Европе уже в хронологических рамках первого и второго циклов Кондратьева, то есть к концу XIX в. был осуществлен модернизационный перелом с соответствующей эмансипацией, секуляризацией, урбанизацией и т. д. общества. В России же появление мануфактур в XVII в. и даже фабрик в XVIII–XIX вв. еще не означало модернизации страны в целом; очевидно, что вплоть до индустриализации 30-х гг. XX в. страна оставалась традиционно-крестьянской.

В контексте сказанного можно поставить вопрос о необходимости учета в общественных науках двух начал (точек зрения, координат) исследования и оценки социальных явлений — синхронии и диахронии. Речь идет не просто о приемах и методах познания, а именно о принципах исследования, которые требуют описание и оценку исторических событий в контексте статически-пространственном и динамически-хронологическом. Методологическое значение этих парных категорий было первоначально обосновано в лингвистике. Ф. де Соссюр разъясняет, что «в каждый данный момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему и эволюцию; в любую минуту язык есть и живая деятельность и продукт прошлого» [6, с. 34]. Универсальный характер для всех социальных наук имеет вывод лингвистов о существовании общих для всех языков закономерностей развития, которые, однако, могут проявляться не синхронно, а одновременно [11, с. 135–136], то есть диахронически. Кроме того, важно признать, что эти закономерности могут осуществляться в различных формах, соответствующих особенностям той или иной страны.

В Англии начало становления капитализма связывается с процессом «огораживания» (XVI–XVIII вв.), когда огромные толпы обеззе-

меленных английских крестьян не хотели идти работать на фабрики и жить в бараках, а упорно занимались бродяжничеством. К. Маркс разъясняет: «Люди, внезапно вырванные из обычной жизненной колеи, не могли столь же внезапно освоиться с дисциплиной своей новой обстановки. Они массами превращались в нищих, разбойников, бродяг ... Отцы теперешнего рабочего класса были прежде всего подвергнуты наказанию за то, что их превратили в бродяг и пауперов. Законодательство рассматривало их как «добровольных» преступников» [8, с. 745]. Репрессивность государства в период первоначального накопления капитала проявилась в Англии в известном «кровавом законодательстве». З. М. Черниловский приводит следующие достоверные цифры: «В Англии... из 4–5 миллионов человек населения было отправлено на смерть при Генрихе VIII — 72 тысячи человек, при его дочери Елизавете (XVII век) — 89 тысяч. Заметим, что историки, характеризующие правившего в это время в России Ивана Грозного в качестве жестокого тирана, считают, что за все десятилетия его власти было казнено около 10–15 тыс. человек (см.: Кожин В. В. История Руси и Русского слова [19, с. 35]). В связи с этим укажем, что историки начинают трактовать абсолютизм не как явление феодализма, а как первый и необходимый этап становления буржуазного типа общества и государства, что обосновывает В. А. Томсинов: «Изучение обстоятельств, повлекших за собой революционный взрыв в Англии и во Франции, заставляет предположить, что настоящая, объективно вызревшая в феодальном обществе политическая революция, имевшая своим смыслом разрушение феодальной государственности и замену ее государственностью буржуазной, происходила в этих странах в рамках государственного строя абсолютной монархии» [17, с. 38].

Сказанное означает, что начальный этап становления индустриальной экономики предполагал не демократизацию общества, а установление авторитарного политического режима, так как сопровождался всплеском социальных противоречий, вызванных разрушением традиционного общества. Появление в XX в. новых экономических развитых стран (СССР, Япония, Южная Корея, Китай) в целом подтвердили эту общую закономерность, которая в западном мире проявилась раньше в период революций XVII–XIX вв. Южная Корея стала новым «азиатским экономическим драконом» в условиях военной хунты. Япония же частично решила некоторые вопросы модернизационного перелома еще в первой половине XX века, но и после II Мировой войны говорить о демократии в этой стране

стоит с оговорками — либерально-демократическая партия стояла у власти бесценно десятилетиями и опиралась на тесно связанные с государством монополии, государственную бюрократию и в целом на традиционное (конфуцианское) сознание народа; допустимо утверждать о мягкой форме конструктивного авторитаризма, опирающейся на социальный консенсус. В этом контексте становится очевидной стратегическая ошибка М. С. Горбачева: СССР (с точки зрения мобилизационной структуры экономики, сознания общества и т. д.) оставался страной незавершенной модернизации; поэтому стоило учесть мировой исторический опыт (в том числе и западный) — переход к рыночной экономике всегда сопровождался авторитарной формой власти, а демократизация происходила уже после произошедших в обществе социально-экономических преобразований. Между тоталитаризмом и демократией объективно был необходим переходный этап конструктивного авторитаризма.

Таким образом, если на циклы Кондратьева наложить линию, на которой отмечены хронологические отрезки, в рамках которых страны пережили модернизационный перелом, затронувший все сферы общества, то окажется, что эти события произошли не синхронно, а диахронически. Например, если в истории Англии было «огораживание» и промышленная революция, то Россия тоже пережила модернизационный перелом (не в технологическом, а социальном смысле) лишь в XX в., но в других условиях и в иной форме: коллективизация придала крестьянской общине вид трудового коллектива, а в промышленности трудовые коллективы заводов и фабрик стали своеобразными общинами. Для принятия такого вывода и необходимо рассматривать исторические события не только в синхронической системе координат, но и диахронической; государства могут быть, условно говоря, «сверстниками» с точки зрения календарного времени, но при этом находиться на разных стадиях «взросления». Постановка вопроса о необходимости учета понятий синхронии диахронии в типологии социально-экономических и политических систем означает, что при отнесении общества к тому или иному типу и тем более при определении направления, форм и темпов его развития, необходимо учитывать, во-первых, «место развития» государства, то есть его пространственную организацию (размеры территории, соотношение внутренних и внешних факторов развития и др.) и, во-вторых, свое «время развития», то есть присущий данному обществу ритм бытия, переживаемый ею этап модернизации

и иные. Причиной того, что представители русской интеллигенции (внутри которой и большевики были одним из её радикальных течений) не в должной мере принимали во внимание особенности своей страны, стало отсутствие ясного представления о том, что, несмотря на географическую и культурно-информационную близость, с точки зрения типологии цивилизаций Россия — это держава, а Западная Европа (в лице ее стран-локомотивов) — цивилизация-метрополия. Поясним, о чем идет речь.

В рамках такой науки, как геополитика, уже давно обосновано выделение государств Суши и Моря [4, с. 18], что предполагает и признание дуализма в мировой истории — сложного, противоречивого и часто враждебного взаимодействия двух типов цивилизаций — держав и метрополий [15]. Любая цивилизация это сложная система, бытие которой определяется огромным количеством факторов — как внутренних, так и внешних. Сочетание этих факторов является различным и даже уникальным. Но если все же попытаться провести типологию цивилизаций с точки зрения большей или меньшей значимости внутренних и внешних условий бытия цивилизаций, то можно заметить: существование, процветание или упадок цивилизаций-метрополий в большей степени зависит от наличия внешней сферы проявления активности, тогда как в цивилизациях-державках преобладают внутренние факторы самосохранения и развития.

Если давно замечен и описан факт проявления в русском бытии и мировоззрении «власти пространства», то в то же время редко обращается внимание на то, что «власть пространства» характерна и для европейского бытия и стиля мышления, хотя само восприятие пространства является иным. Если сравнить размеры территории, например, таких государств XIX в., как Франция и Россия, то в утверждении, что территория России в десятки раз превосходит территорию Франции, есть своеобразный «обман зрения». Важнейшей характеристикой государства, непосредственно связанной с признаком территории, является понятие государственного суверенитета. Поэтому в территорию государства необходимо включать все пространство, на которое распространяется суверенитет данного государства. Это очевидно в отношении держав, но это не принято делать при характеристике стран-метрополий. Если нарисовать схемы территориального строения Франции и России XIX в., то окажется, что пространства проявления их суверенитета примерно одинаковы, но существенно отличаются характер соотношения центра и окраин.

Особенности пространственной архитектоники западной цивилизации проявились в такой черте ее бытия и менталитета, как удивительное умение, условно говоря, «провести черту» и говорить о реализации тех или иных принципов лишь по одну сторону проведенной черты. Как известно, в качестве образа России чаще всего приводится такое животное, как медведь. А К. Юнг, ведя речь о природе западной цивилизации и такой необходимой ее черте, как наличие за пределами метрополии заморских колоний, использует образ хищной птицы: «Все, что у нас зовется колонизацией, миссионерством, распространением цивилизации и пр., имеет и другой облик — хищной птицы, которая с жестокостью и упорством находит добычу подальше от своего гнезда, что отроду свойственно пиратам и бандитам» [20, с. 36]. Поэтому посетителям Парижа, восклицающим «Увидеть Париж и умереть», стоит знать, что центр этого города приобрел свой вид еще в XIX в. и построен в стиле ампира, то есть в имперском стиле — в это время Франция была метрополией, владевшей огромными колониями, в которых существовало рабство. Формально рабство во французских колониях было отменено в 1848 году, но фактически различные формы принудительного труда существовали вплоть до конца колониального периода, то 50–60-х годов XX века. Удивительно то, что до настоящего времени в Мавритании (бывшей колонии Франции, которая сохранила контроль над этой страной и использует ее природные ресурсы) наконец-то принятый закон об отмене рабства 2007 года так и не стал действующим [18].

Сказанное означает, что часто произносимый тезис о «нормальности» экономической истории западных стран не учитывает огромного пространства внешней не только экономической, но и военно-политической экспансии; в колониях не следовали принципам эквивалентного обмена, уважения прав личности, гарантированности частной собственности, свободы договора и т. д. Хотя объективный взгляд на состояние общественной жизни внутри Западной Европы и США в рамках 1-го и 2-го циклов Кондратьева предполагает признание того, что в своеобразном «Гулаге» находилась значительная часть рабочего класса этих стран. Ни один историк экономики не может поставить под сомнение фактологическую достоверность такой книги Ф. Энгельса, как «Положение рабочего класса в Англии». Известный экономист Р. Аллен ввел в научный оборот термин «пауза Энгельса» — 1800–1860 годы, когда бурный рост промышленности сопровождался ужасающей нищетой рабочих и их семей, высокой смертностью и т. д. [2]

Биографы Винсента Ван Гога предполагают, что психологический надлом он пережил в 1878 г. в период его работы миссионером в голландском поселке горняков Патюраж; художник был потрясен нищетой, использованием труда детей и бесчеловечными условиями труда. Если принято часто вспоминать о том, что в «дикой» России крепостное отменили только в 1861 г., то реже указывается на факт отмены формального рабства в США только 1865 г., хотя фактически оно сохранилось в виде «черных кодексов» отдельных южных штатов.

Стоит заметить, что социально-экономическая система западно-европейских государств в эпоху Нового времени (XVII–XIX вв.) характеризовалась установкой на экономическое принуждение к труду. В «Экономико-философских рукописях 1844 г.» К. Маркс писал об утрате пролетарием собственной свободы и самостоятельности и сведении всего богатства жизни человека к чисто животным функциям [12]. Этой политике превращения основной части общества в «одномерных работников» не противоречил, а наоборот, соответствовал принцип индивидуализма. В законодательстве этого периода проявилось стремление противодействовать возникновению рабочих ассоциаций. Так, во французском Законе Ле Шапелье 1791 г. запрещалось рабочим под угрозой крупного штрафа и тюремного заключения участвовать в собраниях, на которых принимались решения для защиты общих интересов. А в США на основе Закона Шермана 1890 г. профсоюзы считались преступными объединениями; лишь в 1933 г. был принят Закон Вагнера, легализовавший профсоюзы и коллективные договоры. В целом реализация закрепленных в ходе буржуазных революций в декларациях идей и принципов определялась не их универсальностью, а элементарным прагматизмом и соотношением политических сил, их организованностью и сплоченностью. Внутри метрополий, например, в Великобритании требование чартистов о введении всеобщего избирательного права в середине XIX в. английский парламент еще всерьез не воспринимал.

Лишь к концу XIX в. массы сумели организовать, и массовое движение стало реальной политической силой. В развитых западных странах в XX столетии сформировалось в различных вариантах социальное государство, чему отчасти способствовало геополитическое и идеологическое противостояние с СССР. Но экономист, который стремится мыслить не только объективно, но и гуманистически, вынужден ставить вопрос: «Можно ли страну называть цивилизованной и демократической, если она является метрополией,

то есть центром обширных колониальных владений?». Колониальная система капитализма распалась лишь во второй половине XX в., но и в настоящее время глобализации мировой экономики сохраняется проблема реализации фундаментальных принципов «нормальной», то есть рыночной экономики. Специалисты отмечают, что, если «рыночные свободы расходятся с интересами экономически сильных государств, ими легко пренебрегают» [5, с. 143].

Парные категории «синхрония — диахрония» предполагают, что наряду с пространственным важно в систему координат исследования и оценки социально-экономических и политических систем включать и временное (хронологическое) измерение. К пространственно-цивилизационному отличию Западной Европы от России добавляется и диахроническое несовпадение этапов развития. У каждой цивилизации свое историческое время с соответствующим ритмом развития. Образно говоря, родившиеся одновременно лисенок и медвежонок не достигают состояния зрелости синхронно. Точно также и цивилизации, будучи современниками, могут находиться на разных этапах становления. Цивилизация как бы «дышит» и проходит этапы экстенсивного и интенсивного развития. Метрополии характеризуются убыстренным ритмом исторического развития — этапы экстенсивного и интенсивного развития (относительно держав) короткие. У цивилизаций-держав замедленный ритм бытия и именно в отношении этого типа цивилизаций уместно использовать образ «дыхания» — за интенсивным этапом наступает время «релаксации». Именно в этом состоянии Китай и Индия на относительно короткий срок (в контексте их трех тысячелетней истории) попали в колониальную зависимость от Западной Европы, переживавшей этап интенсивного развития. Важно иметь в виду, что этот период колониализма не угрожал Китаю и Индии утратой цивилизационной идентичности, что во многом объясняется идеократическим характером этих культур — западноевропейские колонизаторы и миссионеры не могли ставить всерьез цель массового «озападнивания» китайцев и индийцев.

Западная Европа уже в XVII в. вступила в стадию интенсивного развития и в военно-технологическом аспекте стала явно опережать Россию. Неизбежная цель «догнать» западного соседа и заимствовать его достижения как бы по инерции распространилась не только на вопросы практические (техника, наука, организация), но и на сферы идеологии. Но Россия в отличие от Западной Европы — это цивили-

лизация-держава. И. А. Василенко пишет: «Имперская традиция политической власти может длительно существовать только как нравственно-этическая, опирающаяся на моральные устои национальной традиции» [4, с. 24]. Идеологии социализма и либерализма стали активно восприниматься возникшей в результате реформ Петра I русской интеллигенцией, но при этом они (эти идеологии) аутентичны более прагматичному Западу и предполагают снижение уровня идеократичности культуры в целом. И это приводит не просто к известной отчужденности представителей российской элиты от народа с соответствующими (отраженными в художественной и философско-публицистической литературе) внутренними переживаниями. Возникает противоречивая цивилизация, образно говоря, в плоть которой «влили кровь иной группы», что и приводит к кризисам, ставящим российскую цивилизацию на грань гибели. В отличие от Китая и Индии, для России не только географическая, но и культурно-информационная близость Западной Европы-метрополии создает опасность так и недостижения страной цивилизационной идентичности. А. С. Панарин отмечает: «Следование концепции догоняющего развития всегда сопровождается скрытым комплексом неполноценности и вины. Это может быть и вина перед собственной, прерванной и поруганной традицией (реформаторы не могут просто оставить ее в покое, им надо ее дискредитировать), и вина, связанная с несовершенством «интерпретации и заимствования чужого опыта» [14, с. 43]. Для России этот кошмар метаний между наглядной и бесспорной устроенностью непосредственного соседа и невозможностью полностью повторить ее опыт продолжается уже несколько столетий.

Императивный характер носит требование того, что для самосохранения государство должно соответствовать с технологической (в том числе и военной) точки зрения уровню развития своих геополитических оппонентов. П. Н. Милюков в своей диссертации «Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформы Петра Великого» показал, что основной пружиной всех реформ Петра I была военная. Император не стал реформировать все сферы общественной жизни, а, образно говоря, к телу традиционной (крестьянской) России были присоединены западноевропейского уровня армия и флот, а также системы полицейско-регулярного государства, науки, образования и т. д. Такой вариант развития (без модернизации всей экономики страны) был возможен лишь на определенный срок. Необходимо выходить за рамки общеприня-

той периодизации истории, аутентичной скорее для Запада, и рассматривать отечественную историю в иных пространственных и временных контекстах. Так, итоги Крымской войны 1853–1856 гг., а затем поражение в Русско-Японской войне 1904–1905 гг. выявили невозможность обеспечения внешней безопасности страны без ее индустриализации. И вплоть до момента достижения СССР военного паритета с США, страна переживала не столько процесс развития и построения капитализма или социализма, сколько находилась в состоянии геополитической (горячей и холодной) войны, целью которой была не борьба за сферы влияния и благополучие страны, а за элементарное выживание. В известных словах П. А. Столыпина — **«Дайте государству 20 лет покоя внутреннего и внешнего, и вы не узнаете Россию!»** — **раскрывается важнейшая причина многих процессов русской истории и тех форм, которые они принимали. В мирном 1908 г. глава правительства писал о том, что перевооружение армии стало «одним из краеугольных, одним из важнейших камней в политике «надрывающегося правительства»** [7]. Роком России стала систематически возникающая ситуация нехватки времени на спокойное и эволюционное преобразование общества в силу указанного выше объективно замедленного ритма развития и опасного отставания в военно-техническом отношении от более динамичного и колониально-экспансионистского западного соседа.

К этой объективной сложности геополитического положения страны добавлялось и состояние отечественной элиты, большинство представителей которой не вполне осознавало особенности российского бытия и было наполнено не объективно-научными знаниями, а идеологемами. Для идеологизированного сознания характерно «умение» мыслить вне реального пространства и исторического времени, а абстрактность формулировок сочетается с волюнтаризмом. Такой волюнтаризм в равной степени проявился не только в советский период в процессе реализации социалистического варианта общественного устройства, но и в конце XX в., когда в стиле «маятника» была предпринята попытка в «небольшевистском» стиле одновременно перестроить общество на основах противоположной идеологии — либеральной. Несомненно, что реформаторы 90-х гг., если и читали получившие мировое признание труды Н. Д. Кондратьева, то не усвоили его стиль и метод научного мышления, в основе которого — тщательный анализ конкретной социально-экономической реальности, а не волевой порыв следовать аксиомам той или иной идеологии. Так, после гра-

жданской войны под руководством ученого был разработан перспективный план развития сельского и лесного хозяйства РСФСР на 1923–1928 гг. (сельскохозяйственная пятилетка Кондратьева), основанный на принципе сочетания плановых и рыночных начал. В условиях отказа от политики «военного коммунизма» и перехода к НЭПу Н. Д. Кондратьев писал: «Построение и осуществление народнохозяйственного плана теперь должно учитывать закономерности рыночного оборота и тенденции движения цен» [9, с. 46]. Исследователи творчества ученого пишут: «Кондратьев считал, что эффективный аграрный сектор способен обеспечить подъем всей экономики, включая промышленность. Поэтому предложенная им концепция планирования предполагала сбалансированный и одновременный подъем как промышленного, так и аграрного сектора» [1, с. 86].

После признания того, что такой эволюционный вариант развития страны был бы менее кровопролитным (разумеется, и он не исключал социальных противоречий и конфликтов), и появляется опасность соскользнуть из сферы объективно-научного дискурса в плоскость идеологизированной критики большевизма. Это происходит тогда, когда выбор жесткого варианта индустриализации объясняют лишь одной причиной — стремлением Сталина и его окружения сохранить власть. Не отрицая и этого политического фактора, стоит заметить, что такого рода масштабные исторические события всегда предопределены целым комплексом условий, причин и предпосылок. Даже и при отрицательном отношении к самой личности И. В. Сталина объективный взгляд не только на внутреннее, но и внешнее (геополитическое) положение страны вынуждает признать обоснованность известных слов, сказанных им в речи на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности 4 февраля 1931 года: «Мы отстали от передовых стран на 50–100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [16, с. 39].

В связи с этим стоит постоянно опровергать ложный тезис об одинаковой природе гитлеризма и сталинизма. Важно уяснить, что совпадая по внешним признакам, немецкий национал-социализм и сталинский коммунизм по своей природе и назначению были различными типами государственного режима. Первый можно определить как тоталитаризм реванша, форма мобилизации для завоевания необходимого для государства-метрополии пространства внешней экспансии. По итогам I Мировой войны Германия по отношению к Вели-

кобритании и Франции отчасти стала страной «догоняющего типа» в аспекте ограничений в военной сфере и наличия колониальных владений, но не было угрозы утраты государственного суверенитета. Тогда как после революций 1917 г. и Гражданской войны реально стоял вопрос о геополитической самостоятельности России и ее сохранении как государства. Трагедия была в том, что, по словам Н. Бердяева, «советская власть оказалась единственно возможной в России властью в момент разложения войны, которой русский народ не имел силы вынести, в момент духовного упадка и экономического разгрома, в момент ослабления нравственных устоев» [3, с. 42]. Сталинизм со всеми его ужасными проявлениями оказался тоталитаризмом выживания государства-державы.

После гражданской войны большевики как будто бы настроились на более спокойное и эволюционное построение социализма. Что же помешало реализоваться этому варианту развития? В утвержденном 29 июня 1927 г. «Положении о государственных трестах» еще предусматривались хозяйственная автономия трестов и начала хозрасчета [13, с. 26]. Но почему полномасштабный процесс установления административно-командной системы начался именно с конца 20-х гг.? Основная причина этого в осознание неизбежности зарождавшей в недрах «цивилизованной» Европы II Мировой войны и невозможности реализации НЭПа как политики «всерьез и надолго». В идеологическом заявлении о возможности построения социализма в отдельно взятой стране, кроме всего прочего, можно увидеть «просьбу» к Западу оставить Россию «в покое».

На самом деле история знает сослагательное наклонение не в смысле возможности переделать историю, а в допустимости признания того, что в конце 20-х — начале 30-х гг. были возможны и иные варианты развития, но несомненно то, что все они носили бы чрезвычайный характер. Можно ли говорить о возможности «нормального» развития экономики, когда в бюджете еще мирного 1941 г. вполне оправданно предусматривалось потратить на финансирование оборонных наркоматов 43,4% всех бюджетных ассигнований [10]. Если бы трагически погибший в 1938 г. Н. Д. Кондратьев узнал о тех испытаниях, которые выпали на долю его страны в Великой отечественной войне, то он, скорее всего, не стал бы сторонником сталинской индустриализации, но можно не сомневаться в том, что критика такой политики с его стороны не носила бы плоский и морализаторский характер. В целом историю страны советского периода приходится рассматривать

как сложный процесс, в котором сюрреалистически смешивались модусы трагедии и фарса, необходимого и случайного, высокого и низкого, удивительных достижений и бессмысленных потерь.

В заключение укажем на тот факт, что в начале XXI в. Россия вновь оказалась в положении страны «догоняющего типа», и для самосохранения требуется совершить модернизационный рывок, третий по счету. Реформы Петра I и индустриализация большевиков осуществлялись за счет народа, а государственная элита вела себя решительно и при этом «топорно», допустив потрясения и жертвы такого масштаба, на которые у современной России сил уже нет. Если третий модернизационный рывок осуществится, то он будет свидетельством высокого не только профессионально-интеллектуального, но и сейчас очевидно необходимого нравственного уровня государственной элиты России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Агеев А., Мясоедов Б. Сорокин и Кондратьев — два переплетенных пути // Экономические стратегии. — 2013. — № 5.
2. Аллен Р. Пауза Энгельса. Технические инновации, накопление капитала и неравенство в годы британской Промышленной революции. Проект «Исторические материалы». — 2009.
3. Бердяев Н. Новое средневековье. — М., 1991.
4. Василенко И. А. Геополитика современного мира. — М. : Гардарики, 2006.
5. Грани глобализации: Трудные вопросы современного развития. — М. : Альпина, 2003.
6. Де Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / пер. А. М. Сухотина. — М., 1993.
7. Доклады бюджетной комиссии Государственной думы. Сөзүв III. Сессия I. — СПб., 1908.
8. Маркс К. Капитал. Т. 1. — М. : Политиздат, 1983.
9. Кондратьев Н. Д. Условия образования и движения товарных цен (1921–1923 гг.) // На новых путях. — Вып. 1.
10. Куманев Г. А. Рассекреченный страницы истории Второй мировой войны. — М. : Вече, 2012.
11. Лингвистический энциклопедический словарь. — М., 1990.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 42. — М., 1974.
13. НЭП и хозрасчет. — М. : Экономика, 1991.

14. *Панарин А. С.* Россия в циклах мировой истории. — М. : Изд-во МГУ, 1997.
15. *Насыров Р. В.* Человек как самоценность. — М. : Юрлитинформ., 2011.
16. *Сталин И. В.* Сочинения. — Т. 13. — М. : Гос. изд-во политической литературы, 1951.
17. *Томсинов В. А.* Государственный строй абсолютной монархии в Англии: новый взгляд // Вестник Московского городского педагогического университета. Юр. науки. — 2014. — №4 (16).
18. Мавритания: последнее рабовладельческое государство. [Электронный ресурс] URL: <http://tfolk.ru>» Мавритания (дата обращения: 01.06.2018).
19. *Черниловский З. М.* Всеобщая история государства и права. — М. : Юрист, 1995. [Электронный ресурс]. — URL: <http://russia-west.ru/viewtopic.php?id=368>. (дата обращения: 01.06.2018).
21. *Юнг К., Фуко М.* Матрица безумия. — М. : Алгоритм; Эксмо, 2006.

УДК 316:008+621.397.13

ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА РОССИИ

Н. Н. Алпеева, канд. филол. наук, доцент, кафедра менеджмента и индустрии туризма, Алтайский институт труда и права (филиал) ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений», Барнаул, Россия, e-mail: n_alpeeva@rambler.ru

Аннотация. Информационное пространство — одна из основных категорий современного общества. Сегодня невозможно представить себе информационное пространство без средств массовой информации и компьютерной сети. Процесс развития информационного пространства России идет в соответствии с мировыми тенденциями.

Ключевые слова: информационное пространство, медиа, закономерности развития, информационный рынок, информационная инфраструктура.